

Родительская Суббота

ТРАГЕДИЯ В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ

Перевод
Т. Кокуриной

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

К о с т а н д и́ с, богатый крестьянин, 35 лет.

М а р и́ я, его жена, 25 лет.

Б а́ б е н а, мать Костандиса, вдова.

Л и́ г е р о с, деревенский парень, двоюродный брат Кос-
тандиса.

Э в м о р ф и́ я, призрак умершей сестры Костандиса.

Х о р призраков.

Действие происходит ранней весной в сельской местности на Ионических островах, в доме Костандиса. Накануне дня поминовения мертвых.

Просторная комната на первом этаже дома Костандиса. Бревенчатый потолок; на земляном полу — циновки. В глубине — сложенный из кирпичей деревянный очаг; горят поленья, освещая закопченную дымом стену; вокруг очага, на каменных плитах стоят таганки, кастрюли, кофейники, подставки. Дымоход низко свисает над очагом, образуя широкую полку, на которой расставлена домашняя утварь. Очаг окружает широкая каменная скамья, с проходом посредине. Здесь зимой греются у огня, очевидно, скамья служит и постелью; на ней свернуты одеяла и подушки.

Дверь справа ведет на верхний этаж, в спальню. Слева — входная дверь; рядом — маленькое окошко с железной решеткой, похожее скорее на слуховое окно. Такое же слуховое окно, только меньших размеров, — в глубине, рядом с дымоходом. Посредине комнаты — деревянный стол и три стула.

У очага, где сейчас кипят два горшка, нагнувшись над большим блюдом, сидит старая Бабена. Она перебирает изюм и миндаль. На ней черное платье, черный жакет из домотканой шерсти, на голове черный платок. Лицо у нее круглое, волосы серебристо-серые, глаза темные, живые, но в то же время печальные.

Бабена (одна, вздыхая). Ах, Эвморфия моя! Бедная моя девочка! Кто бы мог подумать! (Помолчав.) Что ж, на все воля божья!.. Такова, значит, моя судьба!.. (Вдруг гневно топает ногой, кричит.) Брысь, паршивая кошка! Ты что думаешь — это рыба? Не видишь, негодница, что я чищу изюм и миндаль на кутью твоей хозяйке... (С грустью.) Уж как она любила тебя! Некому теперь тебя баловать... Теперь, бедняжка моя, на тебя только орут да прочь гонят...

Справа входит Мария. На ней платье в черную и белую клетку, поверх — накидка из домотканой шерсти серого цвета. Волосы гладко зачесаны, на голове небольшой платок с бахромой, подвернутые концы создают впечатление, что она в шапочке. Это светлая блон-

динка с поблекшим румянцем. Бесшумно ступая, Мария проходит по комнате, косится на свекровь, ее лицо принимает неприветливое выражение.

Мария. Ты что, сама с собой разговариваешь?

Бабена. С кошкой, голубушка! (*Украдкой оглядывает Марию.*)

Мария. Где же она?

Бабена. Откуда мне знать, куда ее унесло! Вертелась все тут, под ногами... Ну, я обозлилась и прогнала ее... (*С горечью.*) Эх, была бы жива покойница — досталось бы мне сейчас!

Мария (*как бы про себя*). Все покойница да покойница. Замолчи, ради бога. (*Громче.*) Ужин готов? Скоро Костандис придет. Сейчас на стол накрою.

Бабена. Можешь накрывать! (*Показывает на очаг.*) Капуста с полчаса как сварилась. Костандис камбалу с икрой принесет...

Мария (*хозяйничает возле стола*). Вряд ли он зайдет в лавку. Он в Лагана поехал.

Бабена. Ну, тогда поедим маслин. Положи на тарелку немного, тех, зеленых. Как их любила покойница!

Мария (*накрывает стол темной скатертью, ставит три тарелки; с досадой в голосе*). Эх, опять причитать принялась.

Бабена. Значит, не по душе тебе, невестушка, что я свою дочь вспоминаю?

Мария (*продолжает накрывать на стол; равнодушно*). Мне что? Разве я о себе говорю?

Бабена (*насмешливо*). Уж не обо мне ли ты заботаешься! Как бы не иссушили меня мои слезы да думы горькие...

Мария. А тебе легче от того, что ты без конца ее вспоминаешь?

Бабена. Да ты зря кипятишься, Мария... ей-богу, зря... (*Переходит от насмешки к гневу.*) Так, значит, ты и черное сегодня сняла, чтобы мне не видеть, не вспоминать. А?.. Бессердечная!

Мария. Черное? Через шесть месяцев... у себя дома. Да где это мы живем? В городе или в деревне? У себя на хуторе... кроме нас, ни души нет... если бы я вышла куда — другое дело...

Бабена. Только этого не доставало... Завтра, в поминальный день, как пойдем на кладбище, нарядись в красное...

Мария. Во что наряжаться — я сама знаю, нечего меня учить. *(После паузы.)* Но, к примеру скажу, вот Деспинула, поповна, у которой мать померла... *(С умилением в голосе.)* Упокой, господи, ее душу! Святая была женщина, эта попадьа...

Бабена *(перебивает ее, с насмешкой воздевает руки к небу)*. Да будет ей земля пухом!

Мария *(не обращая внимания на ее тон)*. Вот Деспинула через шесть месяцев после смерти матери ходила по дому в коричневом платке с голубой каймой. Я сама видела своими глазами.

Бабена *(встает, с возмущением)*. Послушать только «Упокой, господи, душу этой святой женщины!» О ком это она говорит? О чужой! А мы здесь потеряли близкого человека, дитя свое, плоть свою, и никогда, ни одного разочка я не слыхала от тебя: «Упокой, господи, душу бедной Эвморфии!» *(Вытирает глаза передником.)*

Мария *(с живостью)*. Неправда! Говорила! Вспомни-ка, однажды...

Бабена *(перебивает с горьким, саркастическим смехом)*. Ха, ха, ха! «Однажды!» Послушать только! За шесть месяцев один только раз!.. Да если ты, девонька, и говорила, то, верно, про себя... что-то я от тебя таких слов не слыхала! *(Подходит к очагу и открывает глиняный горшок с зерном.)*

Мария *(накрыв на стол, садится на край скамьи; со злобой, тихо)*. Ничего бы не изменилось, если бы ты и услышала, ведьма!.. *(Громче.)* Эх, сожрете вы меня здесь! Что за жизнь! Днем живые мучают, во сне — покойники... А сны какие снятся, мать божья, какие сны!.. Иной раз ночью просто коченеешь в постели от страха...

Бабена *(выкидывает дуришлагом зерно на блюдо; про себя)*. Недоглядела я... Погубила ты мое дитя, змея подколодная... *(Громко.)* Опять тебе сны снятся? Знаем мы, какие у тебя сны... Слыхали... А кто в них повинен?

Мария (оскорблена). Что ж, скажи теперь, что это я уморила твою дочь, потому она мне и снится. Отомстить хочет? А?

Бабена. Я этого не говорю. Но пословица есть — на воре шапка горит, дитятко. (Ставит зерно на скамью у стены, чтобы остывало.)

Мария. Пусть тот, кто повинен в ее смерти, и года не проживет! Пресвятая богородица!.. Что греха таить, недружно жили мы с покойницей, да только ссорили-то нас другие...

Бабена. Другие? Уж не я ли вас ссорила?

Мария. Я этого не говорю... Но ведь на воре шапка горит, матушка!

Бабена (ставит на лавку изюм с миндалем рядом с зерном, подходит и останавливается против Марии). Ладно, ладно! (Показывает пальцем на потолок.) Пусть тот, кто там на небесах, рассудит нас, Мария! (Проходит по комнате и садится.)

Мария (вздвигнув). Пусть он рассудит нас! Мне нечего бояться!.. (Медленно и тихо.) Простудилась, заболела и умерла. Если бы люди умирали от ссор, я умерла бы раньше. (Тихо заплакала.) Ведь даже камни знали, что мне от золовки житья не было.

Бабена (качает головой). Ладно, голубка, ладно... (Несколько секунд молчит.) Куда это Костандис запропастился? Что-то он опаздывает. Наверно, уже часа два, как солнце зашло.

Мария (склонив голову, сквозь слезы). Больше!

Бабена. Будто шаги слышались. Может, он? (Встает, подходит к двери слева, открывает ее, глядя в темноту.)

Мария. Да будет тебе! Закрой, а то ветром лампу задует! Он дверь и сам найдет, не заблудится!

Бабена (закрывает дверь и возвращается). Идет! Пора снимать с огня. (Направляется к очагу, выкладывает капусту на тарелку и ставит на стол.) Ведь я говорила, что капуста разварится...

Мария. По крайней мере он не будет ворчать... А чуточку недоваришь — он скандал поднимает.

Бабена. У каждого свои порядки.

Мария. Кто как привык. В хороших деревенских домах не разваривают овощи до конца.

Бабена. Наш дом лучше любого дома вашей деревни.

Дверь слева стремительно открывается, входит Костандис — плотный, высокий мужчина с бородой. На нем короткие сапоги, очень широкие черные брюки, светлое пальто с капюшоном, покрывающим голову; из-под распахнутого пальто виден черный суконный пиджак деревенского покроя, со шнурами и серебряными пуговицами. За спиной висит двустволка, в руке разные покупки из бакалейной лавки. Он весел, хотя и утомлен. По лицу видно, что он доволен и пришел с хорошей вестью.

Костандис. Добрый вечер!

Бабена. Добро пожаловать, сынок!

Мария (*грустно, со своего места*). Добрый вечер, Костанди!

Костандис (*поглядев на Марию*). Это еще что? Опять слезы? Ох, бабы! Да неужто нет в вас ни чуточки доброты сердечной, чтобы в мире жить! Надоели мне ваши ссоры да раздоры! (*Проходит и передает Бабене покупки.*) Получай, мать.

Бабена (*приятно поражена*). Ба! Ба! (*Берет покупки.*) Икра... халва...

Костандис (*весело*). Дай бог тебе здоровья. Ставь на стол еще тарелку.

Бабена. Да ну? А кто придет, сынок?

Костандис. Поздравляю тебя с приездом племянника. Прими его получше.

Бабена (*обрадованно*). Ба! Неужто Лигерос приехал?

Костандис. Он самый! (*Во время разговора с Бабеной снимает ружье, вешает его на стену; потом раздевается, подходит к скамье и полулежа располагается у огня.*)

Мария (*услышав, вздрагивает, с трудом сдерживая охватившее ее волнение*). Лигерос! А когда он приехал?

Костандис. Сегодня под вечер.

Мария. И придет к нам?

Костандис. Придет. Я даже думал, застану его здесь. Он поначалу прямо в деревню пошел, сестер

повидать. Пора ему уже быть — времени прошло достаточно.

Мария (*про себя*). Не к сестрам, а сюда он должен был зайти сначала... (*Громко.*) Вот и хорошо! (*Вместе со свекровью хлопочет у стола.*)

Бабена. Он здоров, бедняга?

Костандис. Как бык! Военная служба ему пошла на пользу. Чего греха таить — в деревне он всегда от работы отлынивал... лодырничал...

Бабена. Хоть теперь-то парня не кори!

Костандис (*с улыбкой*). Не велишь — не буду.

Мария. Вряд ли он подоспел к нам... они, наверное, его накормят, не отпустят...

Костандис. Да нет же... он обещал поужинать с нами... (*Потирая руки, греет их у огня.*) А холодно...

Бабена. В марте всегда холодно, сынок.

Костандис (*весело*). Берегись, старая, как бы он тебя не доконал!

Снаружи доносится веселая песня.

Вот и наш кузнечик идет!

Мария (*с тайным волнением*). Его песня! (*Бежит к двери и открывает ее.*)

Входит Лигерос — красивый белокурый юноша; тонкие светлые усы почти незаметны на его румянном лице, золотое кольцо свисает с уха; на нем обыкновенный городской костюм, шляпа с небольшими полями и шинель, на которой пришиты пуговицы со штатского пальто. Ребячливая, добродушная улыбка не сходит с его лица.

Добро пожаловать!

Лигерос (*с живостью пожимает руку Марии*). Здравствуй, сестрица! (*Подбегает к Бабене, которая идет ему навстречу.*) Тетушка Бабена! Как поживаешь? Здорова?

Бабена (*обнимает и целует Лигероса*). С приездом, сынок! Дай-ка поглядеть на тебя... Хорош... хорош...

Костандис. Мешкать нечего! Присаживайся к столу. Странники и труженики проголодались.

Лигерос. За опоздание — простите... Не моя вина.

Бабена. Правильно сделал, что сперва к сестрам пошел. Дай-ка еще разок взгляну на тебя, полюбуюсь!.. *(Вглядываясь в него.)* Ишь, какой молодец!

Лигерос *(смеясь)*. А чего мне плохо выглядеть? С землей не возился; худеть не от чего было... То в казарме баклуши бил, то на гауптвахте!

Мария. На гауптвахте!

Лигерос. Да, насиделся я там. Потому-то и отпустили меня на три месяца позже, чем остальных.

Мария. А ведь правда, ты вернулся позже всех. Мы ждали тебя еще на рождество...

Лигерос. А могло получиться, что я не успел бы и на пасху. Хорошо, что нынче пасха — поздняя. *(Смеется.)* У меня еще хватило времени отсидеть. *(Садится на скамью у стола.)*

Рядом с Лигеросом — Костандис, напротив — Мария. Бабена, стоя, раскладывает еду по тарелкам. Прежде чем приступить к еде, все крестятся.

Рад, что вижу вас в добром здравии!

Все. Добро пожаловать!

Лигерос *(Бабене)*. Да садись же, тетушка, поешь и ты. Будет тебе хлопотать; мы и сами возьмем, чего захотим. Садись!

Бабена *(усаживаясь)*. Эх, сынок! Думаешь, у меня еда на уме? *(Вздыхает.)* Опостылела мне жизнь моя с того дня, как потеряла я дочку... Седьмой месяц пошел *(плачет)*, как моя Эвморфия покоится в земле! *(Указывает рукой на пол, глаза, полные слез, устремлены в пространство.)*

Лигерос *(растерянно)*. Верно-то верно, тетушка, да что поделаешь? Воля божья!

Бабена. И людская, сынок, и людская!

Костандис *(притворяется рассерженным, чтобы скрыть волнение)*. Довольно тебе! Не мешай людям есть! Покойники с покойниками, а живые с живыми!

Лигерос. Правду говорит Костандис. И мы проживем, сколько на роду написано, а там...

Бабена. Нет, неправ Костандис! Мертвые остаются с живыми! Мы неразлучны с ними, сынок, и они властвуют над нами. Пусть они ушли, но они всегда здесь, с нами.

Костандис (через силу смеется). Выдумки все! Где они? Что-то я их не вижу. (Оглядывается.) Лигеро, видишь ты хоть одного покойника?

Бабена (качая головой). Ладно, ладно.

Мария (внезапно, пугаясь, словно что-то увидела). Ой! Мама! (Падает в объятия Костандиса, но тут же вскакивает, словно не зная, у кого искать помощи, и закрывает глаза руками.)

Костандис. Мария! Что с тобой?

Мария. Ничего... Мне показалось, будто... (Умолкает.) Ничего! Оставь меня! (Тихо плачет, не то от испуга, не то от обиды.)

Лигерос (в недоумении глядит на Костандиса). Что с ней?

Костандис (спокойно). Ешь, ешь... Обычная вещь... на нее часто такое находит... С тех пор как... нервы... (Марии.) Будет тебе, Мария! Не оплакивай нас, живых! Если ты больна, поди наверх и приляг.

Мария (вытирает глаза и снова начинает есть). Нет... ничего... все прошло...

Бабена. Как всегда.

Лигерос. Странно... С чего это у тебя, Мария? Так, вдруг, ни с того ни с сего... или тебе померещилось что?

Костандис. Не пытайся, брат, разбираться в бабьих недугах. Все равно ничего не поймешь. Врач говорит, что это истерия. Да разве они что понимают, врачи? Им лишь бы сказать что-нибудь. Сам посуди: за три дня перед тем, как сестра скончалась, врач сказал, что дело пошло на поправку и больная через три дня встанет, а раз так, то он больше к нам не придет. А ей на утро хуже стало. Пока мы спохватились врача снова позвать да покуда он добирался сюда из деревни... померла она! Вот и решай сам, что они понимают, врачи-то. (Горько улыбается.)

Лигерос. Видно, болезнь повторилась.

Мария (поспешно, чтобы скрыть тревогу). Ясное дело... Разве болезни не повторяются? Не бывало так, что ли? Никто не может сказать...

Бабена. Как бы то ни было, а это неспроста... (Злобно поглядев на Марию.) Не могла она сызнова заболеть...

Костандис (сердито перебивает ее). Эх, опять свое заладила! Не слушай ее, Лигеро! Стариковские все выдумки да наговоры!.. Расскажи-ка нам лучше что-нибудь, браток, развесели ты нас. Какие новости привез?

Лигерос. Я не в Америке был, а в Месолонгионе... Правда, в городе мне сегодня кое-что удалось услышать... Только отчего об этом в городе говорят, а не в деревне?

Костандис. О чем?

Лигерос. О тебе. Зашел я в лавку к Манолису за табаком, а он и говорит: правда ли, что твой двоюродный брат Костандис будет у нас скоро городским головой?

Костандис (смеется, покачивая головой). Ха-ха-ха! Так и сказал? Не верь! Слух пустили те, кто этого хочет.

Мария (Костандису). Не скрывай... Разве не приходили тебя просить?

Костандис (пренебрежительно). Брось! Это все противники Куласа придумывают, чтобы его не переизбрали... потому и уговаривают меня... Говорят, будто народ доверяет мне, любит меня... А что мне из его любви-то? Бог с ними! Стоит мне за эту любовь взваливать себе на плечи столько забот! Зачем мне тратить деньги, бросать свои дела и разорять хозяйство?.. А так всегда бывает, если полезешь в муниципалитет или в парламент... Чтобы наша округа управлялась лучше? Очень нужно! Да и Кулас достойный и честный человек, что бы о нем ни говорили! Мне этой славы и даром не надо. Захоти я стать городским головой или даже депутатом, я бы стал им еще раньше Куласа. За ваше здоровье! (Осушает стакан.) С приездом!

Лигерос. Правильно рассуждаешь! За ваше здоровье! (Пьет.) Рад вас снова видеть.

Костандис. Плевать мне на них! Я вот сегодня чуть не подох, весь день торчал на винограднике, следил, чтобы серой опрыскивали как полагается, и не успел

всего закончить... а если еще хлопоты по муниципалитету навалятся!.. И знаешь, сказать по правде, покойница Эвморфия тоже была против этого. И слышать не хотела. «Смотри, Костандис, говорила она, смотри, чтобы не втянули тебя, не связывайся, не то пропадешь!»

Лигерос. Правильно говорила.

Бабена. Слышишь, Лигерос, что он сказал? Эвморфия была против! Умершие неразлучны с нами! Никогда не покинут нас. Пусть мы видим их только во сне. (С ненавистью глядит на Марию.) Все равно покойники власть над нами имеют; что хотят, то и делают!..

Напряженная пауза. Мария резко поднимается и начинает убирать со стола. Мужчины задумались — слова старухи произвели на них впечатление.

Костандис. Так оно и есть! Разве скажешь, что не так?.. (Вполголоса, чтобы не услышала Мария.) Покойники как бы продолжают жить, пока живы те, кто их любил...

Бабена (в упор глядя на Марию). Пока живы те, кто их ненавидел, оскорблял или со свету сжил...

Костандис (рассерженный). Опять ты за свое! Не хочу говорить об этом! Не хочу ничего вспоминать! (Тихо, Бабене.) Перестань, наконец! Погубишь бабу своими подозрениями и придирадками... Не видишь разве, до чего ты ее довела?

Мария подходит к очагу, ставит грязные тарелки на пол.

Бабена. Кто довел? Я или та?.. Или тот камень с целую гору, что гнетет ее душу?

Лигерос. Да в чем дело, наконец? Я ничего не понимаю...

Костандис (нарочито громко, чтобы прекратить разговор). И не поймешь никогда! (Бабене.) Замолчи, мать! Думаешь, Лигеросу охота слушать твои небылицы? (Лигеросу.) Так, значит, Манолис говорил, что меня ско-

ро изберут? Раз так, попробуем, что у него за табак, свернем по сигарке!

Лигерос достает кисет, и мужчины принимаются крутить сигарки.
Мария подносит им лампу, они прикуривают.

А ты не позабыла о кобыле, Мария? Как она?

Мария. Как же, ходила... Все в порядке.

Костандис. Я так и думал. Как увидел, что ноздри у нее повлажнели, сразу успокоился. А ты не позабыла прикрыть ее потеплее?

Мария. И прикрыла, и даже окурила отрубями.

Костандис. Умница. Мельницу заперла?

Мария (*утвердительно кивает*). Вот ключ. (*Жестом указывает на стену, где висит ключ.*)

Костандис. А сено убрано?

Мария. Алексис все убрал. Весь вечер таскал, бедняга.

Костандис. Ладно. (*Немного погодя.*) Значит, на заре пойдем в село, на кладбище?

Лигерос. Да, ведь завтра — поминальный день! И я приду...

Бабена. Кутья уже готова. И цветы наверху в ее комнате.

Костандис (*встает и крестится*). Уж ты прости меня, брат, измотался я за целый день на винограднике, пойду наверх, лягу. Завтра, если господу богу будет угодно, потолкуем еще.

Лигерос. Ступай, ступай... отдохни.

Костандис (*берет свечу, зажигает ее от лампы, снимает со стены ружье*). А ты, если хочешь, посиди еще немного, поболтай с женщинами.

Лигерос. Да, да. Я еще посижу.

Бабена. А не лучше ли тебе заночевать здесь? В деревню идти уже поздно...

Костандис. Да что ты, мать! Ведь его сестры ждут... И оружие при нем, и шинель... Этаким молодец, чего ему бояться?

Лигерос. Ступай отдыхать, Костанди. Спокойной ночи. (*Ребячливо смеется.*)

Костандис (*в дверях*). Спокойной ночи, Лигеро. (*Женщинам.*) Спокойной ночи! (*Выходит.*)

Лигерос. Выспись хорошенько! (Марии, сочувственно.) Изматывается на работе бедняга Костандис.

Мария машет рукой, не отвечая ему, словно думает о чем-то другом. Идет и садится на скамью поодаль. В продолжение всей следующей сцены смотрит отсутствующим взглядом.

Бабена (отвечает на слова Лигероса). Что поделаешь, один как перст наш Костандис! Нет никого из близких, кто пожалел бы его. Все чужие вокруг. Один ты остался, так тебя почти год не было!

Лигерос. Да будь я здесь, чем бы я помог ему? Ничем. Я — кузнечик-попрыгун. Он меня недаром так называет. (Смеется.) Куда ты запряталась, Мария? Садись поближе, поболтаем.

Мария (притворяясь рассерженной). Мне и здесь хорошо.

Бабена (прислушиваясь). Слышишь? Петух пропел. Полночь близко. Великий час, которого ждут не дождутся все покойники.

Лигерос. Почему?

Бабена. Потому что наступает поминальный день, а это их день. С этой полуночи до следующей они могут свободно выходить из могил и возвращаться к себе домой. На то воля божья!

Лигерос. Что за небылицы ты рассказываешь, тетушка Бабена!

Бабена. Пересядь-ка, сынок, и не богохульствуй!

Лигерос (в притворном испуге, пересаживается поближе к Марии). Не сердись!

Бабена. Слушай, молодец, и не смейся над тем, что я сказала. Это слова древние, божьи слова, а не сказки какие-нибудь. У каждой могилы — хоть нам и кажется, что выхода из нее нет, есть две невидимые двери: одна внутри, и выходит она на тот свет, другая снаружи — на этот... Нынче ночью дверь на этот свет будет открыта...

Лигерос. Вот оно что! Дверь эту откроют ангелы, как в воскресение Христово... И покойники выйдут, как ты говоришь, и начнут бродить среди нас, как живые?.. Так, что ли?

Бабена. Так. Только не они выйдут оттуда, а их души... Тело у них будто из воздуха...

Лигерос. А, понял. *(Насмешливо подмигивает Марии.)* А вот скажи мне, тетушка Бабена, ведь ты уже женщина в годах, приходилось тебе самой видеть вот такое «воздушное тело»?

Бабена. Мне-то нет, а вот другим, ясновидящим, приходилось... И не один раз, а много. Вот сколько... *(Хватает прядь волос.)*

Лигерос *(весело)*. Эх, жаль, что меня там не было!

Бабена. Насмехаешься, знаю. А спроси-ка тех, кто постарше тебя, они тебе скажут. Попроси батюшку Стельоса рассказать, что он видел раз, в такую же ночь...

Лигерос. Ну, и что же увидел этот пьяница?

Бабена. Своими глазами увидел. Когда месяц взошел, то у Каракалоса на гумне все умершие деревенские девушки водили, сынок, хоровод. И первая среди них и лучшая — дочка Каракалоса, Елена, что померла в том году... Вернулась с подружками в отчий дом...

Мария. Замолчи, мать! Ради бога, замолчи! Хочешь с ума меня свести сегодня? Ты же знаешь, как я боюсь...

Лигерос *(иронически)*. Ох, боюсь, что и мне будет страшно теперь возвращаться в деревню.

Бабена. Ладно, сынок, ничего вам больше не скажу! Подай мне тарелки с рисом и изюмом... отнесу наверх и спущусь к вам. *(Берет блюдо с рисом.)*

Лигерос *(подает ей блюдо с изюмом)*. А почему ты не готовишь кутью здесь?

Бабена *(возле дверей)*. Пусть эти блюда пробудут ночь там, в ее комнате, вместе с цветами...

Мария *(тихо, Лигеросу)*. Не задерживай ее! *(Бабене.)* Захвати свечу, а то еще расшибешься на лестнице.

Бабена. Уже светло, месяц взошел. *(Взяв блюда, выходит в правую дверь.)*

Мария *(с нетерпением ждет несколько секунд, затем бросается к Лигеросу, хватая его за руку)*. Лигеро! Что они говорили обо мне за столом? Что говорила свекровь, когда я там сидела? *(Указывает на очаг.)*

Лигерос (*растерянно*). Где? Когда? Ничего не говорили.

Мария. Скажи, Лигеро, скажи, заклинаю тебя душой отца твоего. Свекровь сказала, что это я убила Эвморфию? Сказала?

Лигерос (*растерянно*). Нет! Ничего подобного я не слышал! Клянусь!

Мария (*трясет его за руку*). Она сказала тебе об этом, Лигеро! Сказала! Я знаю. Ради нашей любви, не обманывай меня! Не скрывай! Ради нашей любви! (*Смотрит на него.*)

Лигерос (*испуганно*). Замолчи! Нас могут услышать. Она на что-то намекала, что-то хотела сказать, только я не понял.

Мария. О чем я тебе и толкую! Знаю я, какие мерзости говорит обо мне твоя тетка. (*Отпускает его руку, но не отходит от него.*) Знаешь, что сказал однажды кому-то из близких Костандис? «Если бы хоть половина того, что говорит моя мать, была правдой, мне бы надо было схватить Марию за горло и задушить своими руками!»

Лигерос. Но почему она тебя подозревает, полоумная эта?

Мария. Не знаю! (*В сильном волнении.*) Не знаю я! Спроси у нее, пусть сама скажет... Знаю только, что не в силах я больше оставаться в этом доме. Ни часа, ни минуты!

Лигерос. Что с тобой, Мария?! Опомнись, ради бога!

Мария. Ах, Лигеро, как я ждала, что ты придешь и спасешь меня! Как ждала!

Лигерос. Я? Да как же мне спасти тебя? И почему ты не в силах больше оставаться в этом доме? И откуда у моей тетки такие мысли? Не слушай ты ее!

Мария (*горячо*). Если бы только это! Нет, лучше мне рассказать все, чтобы у тебя мысли дурной никогда не было, Лигеро. Я не убивала... своей золовки... Это ложь! Эвморфия заболела и... бог взял ее. Ты же знаешь, какая она всегда была худая, бледная, похожа на чахоточную. Она и замуж не вышла, потому что никто не хотел брать такую хилую... Ведь правда?

Лигерос (*задумчиво*). Правда... Правда... все считали, что она долго не протянет.

Мария. Да, да... кому же знать это лучше, как не тебе... Никто сватов к ней не засылал. Так что Костандис, отчаявшись, решил жениться раньше, чем выдаст замуж сестру. Ах, будь проклят тот час! Лучше было мне без ноги остаться, чем войти в этот дом, откуда была жива незамужняя сестра! Ведь с первой же минуты она стала глядеть на меня, как на воровку... Ей казалось, что я украла у нее брата, мать, дом, приданое — все! И она распинала меня, терзала, точно гвозди в меня вбивала, которыми Христа распяли... Дня не проходило, чтобы она мне его не испортила; не было радости, которую она не отравила бы; не было у меня горя, над которым она не поиздевалась бы! Ах, что за жизнь была у меня все эти три года... Что за жизнь!

Лигерос. Я-то знаю... Только незачем теперь об этом вспоминать.

Мария. Незачем? А как забыть, если и теперь, мертвая, она мучает меня сильнее прежнего? Нету мне от нее покоя ни наяву, ни во сне. Она стоит передо мной, как привидение, пугает меня... Дом полон ее ненавистью, враждой ко мне... И кто знает, может, и она думает, что я убила ее!

Лигерос (*с ужасом*). Не говори так!

Мария. Да, да... Ведь она считала, что я так же ненавижу ее, как она меня. Как-то раз ей померещилось, будто ты меня поцеловал, и она грозилась рассказать Костандису.

Лигерос (*со страхом*). Нет!

Мария. Она не сказала мне об этом напрямик, но все время намекала, когда мы ссорились... И рассказала бы, конечно, будь жива, потому что ненавидела меня всегда! Кто ее знает, о чем она думала, когда лежала в постели... То же самое, что думает сейчас моя свекровь, которая казнит меня без жалости каждую минуту. Как дальше жить в этом доме? Меня мучают покойники, мучают живые. Я одна-одинешенька, нет никого, кто бы меня утешил, кто бы защитил, а мать моя, бедная, далеко в деревне, я и трех дней в году ее не вижу! (*Плачет.*)

Лигерос. Не плачь, Мария! Я понимаю, живется тебе несладко, но надо терпеть.

Мария. До сегодняшнего дня я терпела, а больше не могу. (Яростно.) Ах, будь проклят тот час! Будь проклята душа отца моего!

Лигерос (повелительно). Замолчи, Мария, не проклинай! Не грехи!

Мария (в отчаянии). Пусть изведет меня грех, пусть! (Приходит в себя.) Господи, прости меня, грешную!.. Но во всем виноват мой отец... Почему не отдал меня за тебя, когда ты сватался?..

Лигерос (испуганно, пытаюсь остановить ее). Мария! Замолчи, услышат!

Мария (не сдерживаясь). Ему, видишь ли, приглянулся твой двоюродный брат, потому что он был богат, хотя в доме у него оставалась незамужняя сестра!

Лигерос (со страхом). Молчи, Мария, молчи! Тетушка вниз идет!

Слышатся шаги по лестнице.

Мария (испугавшись, садится на скамью, торопливо). Сегодня ты уведешь меня отсюда!

Лигерос (изумлен). Что?

Мария. Тише! Свекровь! (Совсем тихо, скороговоркой.) Проводишь к матери.

Бабена (входит с прялкой). А вы все ещё разговариваете?

Лигерос (испуганный, пытаюсь улыбнуться). Так, болтаем потихоньку...

Мария. Об урожае. Лигерос говорит, что виноград в этом году должен хорошо уродиться.

Бабена. Дай-то бог. Болтайте! (Устраивается на скамье.) Я, сынок, присяду вот тут с прялкой, нет-нет, да и перекинусь словечком... (Усаживается на край скамьи у стены, прядет.)

Мария (тихо, Лигеросу). Скоро уснет. Она всегда засыпает за прялкой.

Лигерос (громко). Я, пожалуй, пойду.

Мария (*громко*). Рано еще, посиди. (*Тихо*.) Не уходи! Куда ты торопишься?

Бабена (*приветливо*). Посиди еще маленько... Рано еще... Вот пропоет петух во второй раз, тогда и ступай себе с богом, а мы ляжем спать. (*Зевает*.)

Мария (*встает*). Допей-ка свое вино, матушка, а ты половину оставила. (*Берет со стола стакан и протягивает его Бабене*.)

Бабена (*словно в шутку*). А ты мне яду туда не подсыпала? (*Пьет*.)

Мария (*презрительно и с гневом*). Пей, не бойся! (*Возвращается и садится на прежнее место; тихо, Лигеросу*.) Уснет скоро! (*Про себя*.) Чтоб ей никогда не проснуться!

Продолжительная пауза.

Бабена. Ну и месяц сегодня. Светло, как днем. Я прямо ахнула, сынок, когда открыла окно в комнате покойницы, чтобы ладан выветрился...

Мария (*про себя, с ужасом*). Окно?!

Бабена. Ночь-то весенняя, а холодно, как в январе. (*Зевает*.)

Мария. Костандис заснул?

Бабена. Давно. Храпит вовсю, дай бог ему здоровья! (*Улыбается, пересиливая дремоту, прядет и постепенно засыпает*.)

Мария (*Лигеросу*). Говорят, оливы слабые — зимой было мало дождей; оливковое масло в цене будет. Помнишь, матушка, Костандис вчера рассказывал? (*Громко*.) А, мама! Не слышишь?

Бабена (*сквозь сон*). Что, сынок? Да...

Мария (*радостно*). Заснула... (*Придвигается к Лигеросу*.) Лигеро! Слышал, что я сказала? Отведи меня к моей матери.

Лигерос (*тревожно косится в сторону Бабены*). Молчи!

Мария. Да не бойся, спит она! (*Тихо*.) Ты сейчас сделай вид, что уходишь, и жди меня во дворе. А когда старуха уляжется, я приду к тебе... на мельницу...

Лигерос. Не проси, Мария; не бывать тому, о чем ты просишь.

Мария. Ничего другого не будет. Только так. Сам бог послал мне тебя сегодня.

Бабена на секунду открывает глаза, потом снова закрывает.

Лигерос (*страшно расстроенный*). Да ты в своем уме, Мария? Думаешь, о чем говоришь?

Мария. Все равно уйду, и будь что будет! (*Смотрит на него.*) Лигеро!

Лигерос. Сегодня вечером?

Мария. Сегодня вечером! Мне нужно уйти сегодня же! Ведь я сказала — тебя сам бог послал сегодня. Ты будешь возле меня и защитишь. Как подумаю, что нам завтра на заре идти в деревню на кладбище, на ее могилу!!! Да меня хватит удар, я умру на месте!

Лигерос. Ну, так... притворись больной и не ходи.

Мария. Здесь оставаться? В этом доме? Одной? В поминальный день? Да я умру от страха. (*Испуганно, словно увидев призрак.*) Нет, Лигеро, пожалей меня! Отведи меня к матери нынче же вечером, сейчас! Я не переживу ночи в этом доме. Уйду одна или утоплюсь в пруду.

Лигерос. Но, детка моя... Мария, как ты доберешься сегодня отсюда до Музаки? Такой путь ночью...

Мария. Месяц светит.

Лигерос. Ведь холодно...

Мария. Потеплее закутаюсь.

Лигерос. Не дойти тебе!

Мария. Кобылу возьмем. (*Показывает на стену.*) Вон ключ от мельницы.

Лигерос. А Алексис? (*Испуганно.*) Тетка нас слушает!

Мария (*громко*). Мама, ты спишь? (*Не получив ответа, тихо.*) Спит. (*Продолжает.*) Алексис не услышит; он крепко спит. А если и услышит? Чужой ты, что ли? Скажешь, что берешь кобылу, чтобы доехать к своим в деревню.

Лигерос. Нет. Не проси, Мария! Что хочешь, только не это!..

Мария. Боишься Костандиса?

Лигерос. Никого я не боюсь, ты знаешь; я думаю только о тебе; что будет с тобой?

Мария. Здесь оставаться мне — смерть! А я не хочу умирать, Лигеро! Не хочу я умирать! (*Резким движением закрывает лицо руками; затем, открыв лицо, становится перед Лигеросом и смотрит на него со всею силой, на какую способен ее взгляд.*) Лигеро, отведи меня к моей матери, и я буду твоей!

Лигерос (*тихо, колеблясь*). Нет!

Мария. А, вот оно что! Значит, для тебя Костандис дороже меня.

Лигерос (*в приливе любви*). Никого у меня нет дороже тебя и твоей любви, Мария! Ты это знаешь!.. Но...

Мария (*порывисто*). Так уйдем! (*Кладет руки ему на плечи.*) Уйдем, Лигеро! Не говори мне больше ничего. Притворись, будто уходишь, и подожди меня у мельницы. Да?

Лигерос (*не в состоянии более сопротивляться*). Да!

Мария (*с радостью*). Вставай! Пора. Вот тебе ключ. (*Подбегает к стене, снимает ключ и отдает его Лигеросу.*)

Лигерос нерешительно встает, кладет ключ в карман, надевает плащ и собирается уйти.

Теперь разбудим старуху. (*Громко.*) Мама! Мама! (*Подходит к Бабене и расталкивает ее.*) Проснись! Лигерос уходит! Петух уже пропел...

Бабена (*просыпается*). А... хорошо! Ступай, сынок, с богом... И мы сейчас ляжем. (*Встает.*) Спокойной ночи!

Лигерос. Счастливо оставаться! До свиданья, тетушка. До завтра. (*Уходит.*)

Бабена (*ему вслед*). С богом!

Мария (*бежит запирать дверь; быстрым шепотом уходящему Лигеросу*). Жди меня! (*Запирает дверь на засов. Затем оборачивается, берет зажженную лампу.*)

Обе женщины молча выходят направо и поднимаются вверх. Некоторое время на сцене темно.

Лучи месяца проникают в окно, рассеивают мрак. На сцене призраки. Это души умерших деревенских девушек; на переднем плане Эвморфия; взявшись за руки, призраки танцуют и поют. Скорбная похоронная мелодия сопровождает их песню; они двигаются в такт музыки.

Эвморфия.

Приют могильный опустел, открылся страшный
вход,
Дрожит станок, бежит челнок под легкую
рукой.
За краткий миг земных тревог, желаний и
забот
Мы отдадим безмолвный гроб и вечный наш
покой.

Для друга радость наш приход, врагу он станет
злом,
Дрожит станок, бежит челнок, сует туда-сюда.
К родному дому подойдем,дохнем родным
теплом,
И снова прочь, во мрак и ночь, навеки,
навсегда.

Все.

Для друга радость наш приход, врагу он станет
злом,
В родимый дом едва войдем,дохнем родным
теплом.

Эвморфия.

Уйми вращенья мотвил в руках земных ткачих.
Пойми сплетенье паутин проворных паучих.
Уток основу перевьет, свила гнездо беда,
Назад-вперед челнок сует, бежит туда-сюда.
Нам тяжек косный вес земли, нам душен воздух
ваш,
Лишь ночь одна отведена на краткий роздых наш,
Лишь ночь у отчего крыльца вольны мы
проплясать
И благовонную руту и мяту разбросать...

Все.

И только ночь, и снова прочь, навеки, навсегда.
Дрожит станок, бежит челнок, снует туда-сюда¹.

Призраки незаметно исчезают. Комната вновь погружается в полумрак. Месяц светит уже не так ярко. За сценой еще недолго слышится мелодия, затем постепенно затихает. Тишина. Где-то вблизи лает собака. Поет петух.

Мария с зажженной лампой входит справа и решительно направляется к дверям. На ней плотное пальто, на голове шерстяной платок. Она боязливо идет к двери, останавливаясь на каждом шагу, словно колеблется, затем снова идет.

Мария. Нет! Никто меня не остановит! Ничто не удержит! Бежать! Я жить хочу! (Бросается к дверям, отодвигает засов, открывает дверь.)

Порыв ветра задувает лампу. Мария ставит на пол лампу, хочет выйти. Внезапно останавливается, окаменев от ужаса, вскрикивает и пятится назад.

Эвморфия (в дверях, загоразживает Марии дорогу; позади нее в темноте видны призраки в венках из цветов). Не пущу!

Мария. А! (С громким криком отступает назад почти до середины сцены, падает на колени, зажмурившись и зажав уши руками.)

Эвморфия (в дверях, глухо, еле слышным голосом.) Не пущу!.. (Исчезает вместе с подругами.)

Дверь остается открытой.

Мария. Помогите! (Падает без чувств.)

Лигерос (через некоторое время входит слева; опасливо озирается; удивленно). Мария!.. Что ты медлишь?.. (Проходит дальше.) Да что ты там возишься?.. Отперла дверь и... (Внезапно умолкает. Увидев на полу Марию.) Пресвятая богородица, помоги!.. Мария! Что с тобой?.. (Ощупывает ее.) В обмороке!.. О боже мой! Как темно! (Натыкается на лампу.) А, лампа! (Торопливо вынимает спички и зажигает лампу; поставив ее, словно обезумев, бежит закрывать дверь и возвращается к Марии.) Мария! Это я! Лигеро!

¹ Перевод Л. Большинцовой.

Мария (*приходит в чувство*). Лигеро. Ты вошел? Она впустила тебя?

Лигерос. Кто?

Мария. Разве ты ее не видел за дверью? Не видел?

Лигерос. Да нет же! Никого там нет! Что за глупости!.. Идем быстрее, пока нас не услышали! Пошли! (*Пытается поднять ее.*)

Мария (*как безумная*). Нет! Покойница ходит вокруг дома. Я видела ее своими глазами. Слышала своими ушами. Она не выпустила меня! Уходи и оставь меня! Так мне на роду написано! Уйди. Это ее воля! Уйди!

Лигерос. Что ты городишь? Спятила, что ли? Идем, никого там нет! (*Крестится.*) Нет там ни души! Не бойся! Кобыла нас ждет. Идем же!

Мария (*стараясь вырваться от него, громко*). Нет! Нет! Не пойду! Останусь! Умру здесь, где убила ее! Иди один!

Лигерос (*в испуге все время старается заставить ее замолчать*). Не кричи! (*Зажимает ей рот.*) Не кричи! Все проснутся, и тогда мы пропали!.. Иди же! Иначе нельзя! Раз уж дошло до этого, надо бежать!.. Идем, Мария!

Мария (*душераздирающим голосом*). Нет!

Слышны шаги по лестнице.

Костандис!

Лигерос (*пытается ее уговорить в последний раз*). Сюда идут! Бежим! (*Тащит ее к двери.*)

Мария. Оставь меня! (*Вырывается от него и снова падает на пол.*)

Лигерос бросается к двери, бесшумно открывает ее и уходит, закрыв за собой.

Справа появляется Костандис; он в ночной рубашке, в наспех наброшенном пальто, с зажженной свечой.

Костандис. Что случилось?

Мария (*увидев его, простирает к нему руки, как к спасителю*). Костанди!

Костандис. Господи, Мария! Почему ты здесь? Это ты кричала? Что с тобой?

Мария. Костанди! Убей меня, Костанди, да пошлет тебе бог долгие дни! Я недостойна того, чтобы жить!

Костандис (*испуганный, бросает свечу на стол, она гаснет*). Мария! Что с тобой? Что с тобой, Мария?! (*Подходит к ней, берет ее за руку.*) Почему ты одета? Что тебе здесь нужно было? Куда ты собралась?

Мария. Костанди! Я хотела уйти! Хотела бросить тебя и уйти к матери с Лигеросом. Убей меня!

Костандис (*взволнованный, расстроенный, чуть не плача*). О, горе мне! Боже мой! Это мать довела тебя своей болтовней. (*Тихо, почти на ухо Марии.*) Тебе опять мерещились разные ужасы, детка, и ты испугалась?

Мария (*с ужасом отгоняя воспоминание о призраке*). Нет! Нет! Ничего я не видела! Никто меня не мучил! Никого я не боюсь! Просто решила уйти. Уйти к матери и бросить тебя. С Лигеросом, твоим двоюродным братом, с моим любовником! (*Крестится.*) Вот те крест!

Костандис (*недоверчиво смотрит на нее, затем смеется*). Ха-ха-ха! Значит, ты хотела уйти?

Мария. Да, хотела уйти. Не веришь, Костанди?

Костандис (*отходит на несколько шагов, не спуская с нее глаз*). Слушай, Мария! Посмотри мне в глаза. Ты что, за горца меня принимаешь? Я, слава богу, житель равнины, как и ты... С каких это пор жены из нашего рода уходят от мужей? А?

Мария (*в отчаянии*). Он не верит! Матерь божия, не верит! (*Костандису.*) Взгляни туда! (*Показывает на стену.*)

Костандис. Что там?

Мария. Где ключ от мельницы?

Костандис. Откуда мне знать, где он?

Мария. Я отдала его Лигеросу, чтобы он отпер мельницу и запряг кобылу. Выйди и увидишь. Вон и дверь не заперта на засов.

Костандис (*растерянный, бежит к левой двери, открывает ее, выходит и тут же возвращается, весь дрожа от ярости*). Значит, ты правду сказала?

Мария. Видел? Запряжена кобыла?

Костандис. Да, и привязана у колодца.

Мария. А ключ где?.. Видел?

Костандис. Кто отпер мельницу в такой час, Мария?

Мария. Лигерос! Я же сказала тебе! Услышал твои шаги и убежал. Не то мы ушли бы вместе.

Костандис. Почему ты вздумала уйти?

Мария (*дрожа как осиновый лист, низким голосом*). Из-за покойницы! Я... я... Костанди, убила твою сестру Эвморфию... я убила. И хотела уйти, потому что не могу больше оставаться в этом доме. Не мой это дом и не твой. Это ее дом! Ее! Она все еще здесь! Бродит и ждет возмездия! Хочет крови моей напиться! Убей меня! Убей, Костанди, чтобы мы обе, наконец, успокоились! (*Падает перед ним на колени.*)

Костандис. Ты убила сестру мою?

Мария. Я!

Костандис. Сама, своими руками?

Мария (*встает*). Да, своими руками.

Костандис. Отравила ее?

Мария. Да!

Костандис. Чем?

Мария. Воздухом.

Костандис (*горько смеется*). Ха-ха-ха!

Мария. Не смейся, Костанди, правду я говорю. Помнишь день, когда врач, прощаясь, сказал, что больше не придет, потому что больная поправилась. Не могла я больше терпеть. Я так верила, что она умрет и кончатся мои мучения! И вдруг узнаю, что она через три дня будет здорова и встанет с постели!.. В ту же ночь...

Костандис. В ту ночь?

Мария. ...Я встала потихоньку, прокралась, точно вор, к ней в комнату — она спала и не слышала меня, — подошла к окну и раскрыла его.

Костандис. Ложь! Ты не могла этого сделать!

Мария. Я это сделала, Костанди, клянусь адом, который уготован мне, если только ты не убьешь меня! Я открыла окно в комнате больной... ночь была холодная, осенняя.. Я следила за ней... Видела, как ее охватила дрожь и озноб прошел по всему телу, как она в полусне подняла руки и натянула на себя одеяло... А я притаилась в углу, чтоб она меня не увидела... боялась, как бы не проснулась... Но она крепко спала... А потом, когда я услышала, как

что-то заклокотало у нее в груди, я осторожно закрыла окно, пошла к себе и легла снова рядом с тобой, Костанди! Ты спал. Никто меня не видел, никто не слышал, кроме него. *(Указывает наверх.)* На другой день... помнишь? Больной стало хуже... А через три дня, вместо того чтобы ей самой подняться, мы ее подняли.

Костандис *(вне себя, с обезумевшим лицом)*. Ложь! Тебе жизнь надоела, и ты придумала все, чтобы я тебя убил. Сумасшедшая старуха застрашала тебя своими сказками... привидениями... и ты со страху умереть решила... Нет у тебя сил самой броситься в пруд и утопиться... Хочешь, чтобы я задушил тебя... Все ты выдумала, все лжешь... Не верю я, ни одному слову твоему не верю! *(Бросается к ней.)*

Мария. Это правда, Костанди. Убей меня!

Бабена *(неожиданно открывает дверь и появляется на пороге)*. Она тебе правду говорит, Костанди!

Костандис *(оборачивается к Бабене)*. Ты все слышала?

Бабена. Слышала. Я за дверью стояла.

Костандис. И все, что она сказала мне,— правда?

Бабена. Клянусь твоей жизнью, душой дочери клянусь и своею душой, которую скоро отдам богу,— это правда.

Костандис. А кто ее дергал за язык говорить правду? Лжет она! Верно, у нее на уме что-то другое...

Бабена. Это она — Эвморфия! Она заставила ее сознаться. Разве я не говорила тебе, что покойники властны над нами? Захотела Мария сбросить с души камень величиной с гору, сынок... Вот что вынудило ее правду сказать. Нынче день поминовения усопших.

Костандис. Значит... она... своими руками убила мою сестру?

Бабена. Убила! Пусть бог поразит меня громом, если это ложь! Я знаю, что это правда. Если бы жена твоя, злодейка, не открыла окна, доченька моя не умерла бы тогда, раз уж стала выздоравливать. Она тебе правду сказала. Я слышала в ту ночь, как стучали ставни...

Мария *(радостно, Костандису)*. Слышишь?

Костандис. И правда, что она хотела уйти сейчас с Лигеросом?

Бабена. Правда. Ведь Лигерос был ее любовником. Мария (Костандису). Слышишь? (Все время, пока Бабена говорит, кивает головой, точно радуясь, что наконец-то Костандис поверит Бабене и убьет ее.)

Бабена. До того как ты к ней посватался,— будь проклят тот час! — на ней должен был жениться Лигерос. Тогда ты не знал этого — так узнай теперь. Я своими ушами слышала, как они об этом вспоминали здесь. (Показывает на дверь.) Оттуда!

Костандис (бросаясь к жене). Гадина! Своими руками задушу тебя!

Мария (неожиданно в испуге отшатывается — последняя вспышка инстинкта самосохранения). Нет! Нет! Костанди! Я боюсь! Мне страшно! Не хочу умирать! Я солгала! Прости меня! (Борется с ним, изо всех сил стараясь вырваться.)

Костандис. Теперь тебе жить захотелось? Злодейка! Жизни своей тебе жаль стало? А других ты не жалела? Помолись лучше! Но не здесь! А наверху. Наверху! В постели покойницы. Там ты ответишь за свои грехи. (Тащит ее за собой.)

Бабена, зловеще улыбаясь, пропускает их мимо себя. Волоча за собой Марию, Костандис идет наверх. Бабена ходит по комнате, останавливается, прислушивается; она дрожит. Слышится грохот на лестнице, затем наверху, над потолком... наконец в ночной тишине издали доносится сдавленный крик Марии и смолкает.

Бабена (становится на колени, поднимает руки). Слышишь... Эвморфия?... Ты отомщена... О господи!..

Занимается заря. Слышен звон колокола далекой церкви. Это заутреня — дни поминовения усопших. Бабена крестится.

Занавес